

Возможности конкретизации темпоральных существительных в «Старшей Ливонской Рифмованной хронике»

Е. С. Тихонова✉

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

Санкт-Петербург, Россия

✉midjungards@gmail.com

Введение. Рассматривается взаимодействие темпоральных существительных с уточняющими их определениями в языке средневерхненемецкого периода. Во введении освещаются исследования темпоральных показателей в немецком языке в синхронии и диахронии и их классификации. Отмечается слабая изученность сочетаемости обстоятельств времени с разного рода определениями. Исследование проводилось в рамках исторической прагматики, что позволяет в том числе выявить отношение адресанта к высказыванию.

Методология и источники. В качестве материала исследования служит «Старшая Ливонская Рифмованная хроника». Описываются происхождение, особенности и изучение данного текста в разных отраслях отечественной и зарубежной науки, а также различные точки зрения на поэтику этого произведения. Если рассматривать «Хронику» как сознательное подражание рыцарскому эпосу, то и употребление обстоятельств времени в ней также следует рассматривать с точки зрения поэтики рыцарского эпоса. Отмечается, что темпоральной организации данного текста в лингвистике уделялось мало внимания, чем и обусловлена актуальность данного исследования.

Результаты и обсуждения. Результаты исследования представляют собой примеры обстоятельств времени в «Хронике». Собранные примеры разделены на группы в зависимости от частеречной принадлежности определений, которые их конкретизируют и уточняют. Было выявлено, что такими определениями могут быть имена существительные и прилагательные, местоимения, наречия, числительные и придаточные предложения. Рассматриваются наиболее характерные примеры для каждой из групп. Обсуждение посвящено обобщению исследования и подведению итогов. Делается вывод о том, что темпоральным существительным за счет определяющих их лексем придается некое качество, которое несет основную смысловую нагрузку, а само темпоральное существительное в таких случаях отчасти десемантизируется. Проводятся параллели с употреблением темпоральных показателей в рыцарском эпосе.

Заключение. В заключении подчеркивается связь представлений о времени в «Хронике» со средневековым менталитетом.

Ключевые слова: средневерхненемецкий, «Старшая Ливонская Рифмованная хроника», Немецкий орден, обстоятельства времени, темпоральные существительные.

Для цитирования: Тихонова Е. С. Возможности конкретизации темпоральных существительных в «Старшей Ливонской Рифмованной хронике» // ДИСКУРС. 2019. Т. 5, № 4. С. 128–137. DOI: 10.32603/2412-8562-2019-5-4-128-137

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 03.06.2019; принята после рецензирования 01.07.2019; опубликована онлайн 25.10.2019

Ways to Specify Temporal Nouns in the “Livonian Rhymed Chronicle”

Elena S. Tikhonova✉

Saint Petersburg Electrotechnical University

St Petersburg, Russia

✉middjungards@gmail.com

Introduction. Introduction explores synchronic and diachronic researches of temporal nouns in German as well as their classifications. Combinations of time adverbials with attributes of different kind in the Middle High German period are studied insufficiently. The research was conducted in the field of historical pragmatics, which allows to specify the speaker’s attitude to a statement.

Methodology and sources. Material for the research is the “Livonian Rhymed Chronicle”. Provenience, specifics and the study of this text in linguistics and historiography as well as different points of view on the text’s poetics are considered. If the chronicle is considered as a conscious imitation of court epics, the functioning of its time adverbials is also to be considered from the court epic’s poetics’ point of view. Temporal organization of the Chronicle is not studied very well.

Results and discussion. Results of the research represent examples of temporal nouns in the Chronicle. Collected examples are divided into groups according to by what part of speech is an attribute represented: by nouns, adjectives, pronouns, adverbs, numerals and subordinate clauses. Most characteristic examples for each group are analyzed. Discussion is devoted to summarizing the investigation and reviewing the results. A conclusion is drawn that temporal nouns due to their attributes receive some quality that bears the main semantic charge, whereas the temporal noun itself is partly non-semantic. Parallels to the usage of time adverbials in court epics are drawn.

Conclusion. In the conclusion the connection between time presentation in the Chronicle and the medieval mentality is highlighted.

Key words: Middle High German, “Livonian Rhymed Chronicle”, Teutonic Order, time adverbials, temporal nouns.

For citation: Tikhonova E. S. Ways to Specify Temporal Nouns in the “Livonian Rhymed Chronicle”. DISCOURSE. 2019, vol. 5, no. 4, pp. 128–137. DOI: 10.32603/2412-8562-2019-5-4-128-137 (Russia).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 03.06. 2019; adopted after review 01.07.2019; published online 25.10.2019

Введение. Цель настоящей статьи – изучение того, как в языке средневерхненемецкого (далее – свн.) периода обстоятельства времени взаимодействуют с различными определениями, позволяющими конкретизировать их семантику.

Проблемами обстоятельств времени в диахронии занимались такие исследователи, как В. Г. Адмони, К. П. Акулова, Е. А. Волкова, В. Т. Двинская, С. В. Котоянц, М. Краузе, Й. Викторович, Х. Бургер, Р. Люр, Э. Оксаар и др. Все эти авторы рассматривают и классифицируют обстоятельства времени с точки зрения их семантики и передаваемых ими темпоральных отношений. Основой для классификации может служить способ образования

обстоятельств [1], их функция в предложении [2], неподвижная или контекстуальная точка отсчета [3], [4].

При этом в исторических грамматиках немецкого языка (Адмони, 1963; Зиндер, Строева, 1968; Москальская, 2003; Oksaar, 1965; Mettke, 1983; Braune, 1987; Meinecke, 2001; Schwerdt, 2001; Sonderegger, 2003; Schrodtt, 2004; Paul, 2007) традиционно подробно освещаются вопросы возникновения, развития и употребления категории глагольного времени, а обстоятельствам времени, как правило, не уделяется достаточного внимания, в то время как именно взаимодействие разноуровневых средств служит максимально точной локализации действия во времени. Под действием в данной работе понимается, согласно определению Ю. С. Маслова, «любое явление, обозначенное с помощью глагольной формы (или глагольной формы и зависящих от нее слов)» [5, с. 307].

Методология и источники. Настоящее исследование проводилось в рамках исторической прагматики – раздела лингвистики, который изучает изменения в структуре языка, возникающие как результат изменения коммуникативных нужд и потребностей общества, причиной которых служили изменения в социальной структуре. Одной из задач исторической прагматики является, в том числе, освещение отношений между соответствующими лингвистическими знаками, между языковым знаком и его пользователем, между адресантом знака и его адресатом [6, с. 18]. Таким образом можно приблизиться к пониманию того, какова была пропозиция высказываний, принадлежащих другим эпохам и доступным нам лишь в виде письменных источников.

В данной статье анализ производился с опорой на классификацию обстоятельств времени современного немецкого языка, предложенную Е. В. Гулыгой и Е. И. Шендельс, которая также может быть применена к материалу более ранних периодов. Согласно ей, темпоральные показатели могут уточнять: 1) время действия (т. е. отвечать на вопрос «когда?»); 2) длительность действия («как долго?»); 3) соотношение между действиями («до, после или одновременно?»); 4) кратность действия («как часто?») [7, с. 65].

Материалом исследования служит «Старшая Ливонская Рифмованная хроника» (далее – СРХ), которая описывает деятельность Немецкого ордена в Прибалтике с 1143 по 1290 г. Хроника состоит из 12 017 строк и составлена в конце XIII в. Ее язык определяют как средненемецкий диалект с примесью нижненемецкого [8, с. 35 и след.].

В отечественной науке данный текст в основном рассматривается как исторический источник [8]–[10]. Если в этих трудах и уделяется внимание языку СРХ, то в основном затрагивается вопрос о поэтическом таланте ее анонимного автора.

В западной научной традиции существует некоторое количество работ, посвященных целиком или освещающих отдельные аспекты языка СРХ [11], [12]. Так, уже один из первых исследователей СРХ, Р. Линдер, уделил языку СРХ отдельную главу своей диссертации [13]. В основном, однако, в этих работах также рассматриваются вопросы поэтики СРХ. Работы по собственно темпоральной организации текста хроники нам неизвестны, в то время как данная проблема представляется крайне актуальной.

Как неоднократно отмечалось, образцом для СРХ послужил так называемый рыцарский или книжный эпос (*höfisches Epos*, *Buchespos*). Среди исследователей нет единого мнения относительно того, был ли автор СРХ лишь неумелым подражателем [14, с. 201] или же, напротив, действовал в соответствии с поэтикой и в традиции данного жанра [12, s. 93]. В последнем случае данный текст следует рассматривать не с позиции дарования автора, а

с точки зрения формульной теории и «стиля формул». По нашему наблюдению, употребление обстоятельств времени в СРХ также в значительной мере обусловлено ее ориентацией на книжный эпос.

Результаты и обсуждения. В данном исследовании рассматриваются лексические показатели, содержащие темпоральные существительные, т. е. существительные, обозначающие естественные временные отрезки. В СРХ представлены следующие лексемы: *tac* «день» (118 примеров), *zît* «час, время» (88 примеров), *jâr* «год» (44 примера), *wîle* «отрезок времени» (41 пример), *nacht* «ночь» (33 примера), *morgen* «утро» (24 примеров), *winter* «зима» (16 примеров), *vrist* «срок» (13 примеров), *âbent* «вечер» (9 примеров), *sumer* «лето» (8 примеров), *woche* «неделя» (3 примера), *vaste* «пост» (3 примера), *mônât* «месяц» (2 примера), *suntac* «воскресенье» (2 примера), *ôstern* «Пасха» (2 примера), *herbest* «осень» (1 пример), *ôwest* «август» (1 пример), *nône* «нона» (1 пример), а также *stunt* «час». Последняя лексема в данной статье рассматриваться не будет ввиду того, что в подавляющем большинстве случаев она передает значение следования действия и является сильно десемантизированной.

Лексемам *tac* «день», *jâr* «год», *wîle* «отрезок времени», *woche* «неделя», *mônât* «месяц» в СРХ в большей степени свойственно уточнение длительности действия, лексемы *morgen* «утро», *vrist* «срок», *nacht* «ночь» уточняют длительность и время действия в равной степени, а прочие существительные в первую очередь уточняют время действия.

Как правило, темпоральные показатели действуют не в одиночку, но в совокупности, конкретизируя и дополняя друг друга. В качестве уточняющих лексем могут выступать определения при темпоральном существительном, выраженные различными частями речи.

В большинстве рассмотренных случаев в качестве подобных определений функционируют **имена существительные** в форме генитива в препозиции (например, *winters* «зимы», *genaden* «милости», *gotes hülfe* «Божьей помощи») или **прилагательные** (*kalt* «холодный», *liecht* «ясный», *neheste* «следующий» и др.).

Наличие определений в особенности свойственно таким лексемам, как *tac*, *zît*, *jâr*, *morgen*, *nacht* (1). Так, например, лексема *tac* лишь в 18 реализациях употребляется самостоятельно – в основном, когда она передает значение кратности (2) или в некоторых случаях, когда она является подлежащим или предикативом:

(1) *Iz was in grôzen hungers tagen.* (458) – Это было в дни сильного голода¹.

(2) *zû râte giengen sie alle tage // biz daz sie boten santen hin // zû Bremen abir* (584–86) – Они совещались каждый день, пока снова не отправили послов в Бремен.

Отдельно следует рассматривать два примера, в которых представлена мифологема *der jungeste tac* «Страшный суд»: технически, прилагательное *jungest* «последний» является определением, но в данном случае мы имеем дело с устойчивыми словосочетаниями:

(3) *al die kummentûre er bat, // daz sie dem brûdere hulfen sô, // daz sie des lônes wurden vtô // an deme jungesten tage.* (8838–41) – Он попросил всех комтуров, чтобы они так помогли братьям, чтобы те радовались вознаграждению в день Страшного суда.

Аналогично существительному *zît* за счет его непосредственного окружения регулярно придается какое-либо качество, причем подобное употребление этой лексемы прослеживается еще с предыдущего, древневерхненемецкого периода [16, s. 63]:

¹ Здесь и далее все цитаты из источника приводятся по изданию Л. Майера [15]. Цифры в круглых скобках после примера обозначают номера строк. Подстрочный перевод всех примеров выполнен автором статьи.

(4) *dâ was gotes hülfe zît: // ein dûtscher mûste geben strît // wol sechzic Rûzen, daz ist war* (7633–35) – Это был час Божьей помощи: один немец должен был давать бой, пожалуй, шестидесяти русским, это правда.

Необходимо отметить и два случая конкретизации существительного *nacht* «ночь» прилагательным *mitte* «средний» в значении «полночь». Ввиду неразработанности орфографии в свн. период, определение *mitte* при существительном могло писаться как слитно, так и раздельно. М. Лексер рассматривает его именно как прилагательное [17]. В обоих указанных случаях действие никогда не происходит ровно в полночь, но либо после, либо до нее. Как известно, лексема *nacht* сама по себе обладает негативными оценочными коннотациями: для Средних веков ночь – нечистое время, время сил зла, ночью закон не властен, а все действия неправомерны, с наступлением темноты вся жизнь останавливается [18, с. 96]. Для полуночи все сказанное правомерно в еще большей степени, она обозначает своего рода рубеж:

(5) *ê danne ez wurde mitte nacht, // Traniât quam mit sîner macht // geriten ûf der brûdere her.* (6927–29) – Прежде чем наступила полночь, Тройнат со своими людьми напал на войско братьев.

(6) *dâ ez quam nâch mitter nacht, // die heiden tâten dô ein werc, // sie branten selbe ir hachelwerc // um die rechte burc gar blôz.* (9574–77) – После полуночи язычники натворили дел: они сами дотла сожгли их укрепление вокруг правой крепости.

В качестве уточнителя при темпоральном существительном также могут выступать указательные, притяжательные и неопределенные **местоимения**, например, *selbe* «тот же», *manche* «некоторый», *andere* «другой», *sîn* «его, свой»:

(7) *der was in der selben vrist // hundert hin zû Rîge komen // zûr lantwer, als ir hât vernomen.* (9234–36) – В тот же срок к Риге их пришла сотня как ополчение, как вы слышали.

(8) *er was gewesen manchen tac // in Nieflande, daz ist wâr: // dâ von weste er den site gar.* (3170–72) – Он пробыл несколько дней в Ливонии, это правда: от этого он и знал [ее] обычаи.

В сочетании с предлогом *bie* и притяжательным местоимением *sîn* «свой» существительные *tac* и *zît* используются в значении «жизнь, время жизни»:

(9) *er was meister, hôrte ich sagen, // nûnzên jâr bie sînen tagen.* (1960–61) – Он пробыл магистром, как я слышал, 19 лет из своей жизни.

(10) *ir hât da alle wol verstân, // waz got genâden hât begân // bie sîner zît, des weiz man vil* (1963–65) – Вы все, пожалуй, поняли, какую милость Господь явил при его жизни (букв.: в его время), об этом известно многое.

Конкретизация темпорального существительного может осуществляться и с помощью **наречий**, например, *verre* «далеко», *vrû* «рано», *spâte* «поздно». Это характерно для таких существительных, как *tac* «день» и *morgen* «утро», особенно при устойчивых грамматикализованных генитивных конструкциях *des/eines tages* «этим/одним днем» и *des/eines morgens* «этим/одним утром». Подобные конструкции в свн. период находятся в процессе адвербиализации: так, в современном немецком языке они рассматриваются уже как наречия [19, с. 125]:

(11) *Diz triben sie verre ûf den tac.* (6213) – Этим они занимались целый день (букв.: далеко в день).

(12) *dô quâmen sie eines morgens vrû // mit irme here zû Gresen zû* (7241–42) – Тогда одним утром они прибыли со своим войском к Грезену.

В тех случаях, когда рассматриваемые темпоральные существительные употреблены в функции подлежащего или предикатива, а не в составе обстоятельства времени, они, как правило, распространяются с помощью **определительного придаточного предложения**:

(13) *dar nâch dô die zît was komen, // als ich vor wâr habe vernomen, // daz man solde ezzen, // nîchtes wart dâ vergezzen, // daz man zû êren haben sol (3477–81)* – Потом, когда пришло время, как я воистину слышал, в которое надо было есть, не было забыто ничего, что должно быть для славы.

Х. Бургер указывает, что распространение существительного *zît* с помощью придаточного предложения также встречалось уже в древневерхненемецкий период, в частности, у Отфрида, и было относительно устойчивым, идиоматическим оборотом, аутентичным для немецкого языка [16, s. 205]. В подобных случаях лексема *zît* открывает временно валентное место для действия, которое выражается с помощью придаточного предложения.

Как частный случай определений при темпоральных существительных следует рассматривать **числительные, обозначающие даты**. Подобные временные показатели обладают максимально возможной для СРХ степенью точности, а числительные при лексеме *jâr* «год» выступают как уточнитель темпорального существительного.

Поскольку мы имеем дело с рифмованной хроникой, а не с прозаической, точная датировка событий не является для нее обязательным условием. В СРХ присутствует упоминание всего трех дат: 1143, 1278 и 1290 г. По сути, это темпоральные показатели с постоянной точкой отсчета, принятой в нашей культуре: действие соотносится с событием «Рождество Христово» [20, с. 120]. В СРХ эта точка отсчета эксплицитно названа в каждом случае: кроме собственно числительного и существительного *jâr* «год», все эти даты включают формулу *von/nâch gotes geburt* «от Рождества Христова»:

(14) *diz geschach von gotes geburt tûsent und hundirt jâr // unt drî und vierzik, daz ist wâr. (430–431)* – Это произошло в 1143 г. от Рождества Христова, это правда.

Отдельную проблему составляет точность датировок в СРХ. Многие исследователи указывают, что хронология в СРХ ошибочна и/или претенциозна [21, p. 7], [22, s. 184], поскольку данный текст представляет собой панегирик Немецкому ордену и, в том числе, ради его прославления, дата основания Риги переносится на 25–30 лет в прошлое, а сроки правления некоторых магистров ордена удлиняются [23, с. 39].

В двух случаях уточнение длительности правления магистра содержит лексему *mônât* «месяц» в составе конструкции *X mânde mêre* «еще X месяцев», что увеличивает точность этого временного показателя:

(15) *meister Otte, daz ist wâr, // der hatte gerâten drie jâr, // sechs mânde mêre, // wol mit gûter lêre // in Nieflande bie siner zît. (7953–57)* – Магистр Отто – это правда – со знанием дела правил в Ливонии три года и еще шесть месяцев своей жизни.

Существительное *jâr* «год» также является важным постоянным **структурообразующим компонентом СРХ**, которую можно разделить на сегменты, характеризующие правление магистров Немецкого ордена. В общей сложности было выделено 38 сегментов объемом в среднем от 10 до 30 строк. В зависимости от того, вводится ли в таком сегменте новое действующее лицо или же описывается его смерть, могут быть использованы две разные модели.

Модель, содержащая сообщение о начале правления нового магистра, содержит темпоральные показатели, уточняющие время или следование действия (*dô* «тогда», *dar nâch* «потом», *in vil kurtzer stunt* «в очень скором времени») (1) и сказуемые (*ir*)*kiesen*, и (*ûz*)*irweln* «выбирать» (2), а первичная номинация нового действующего лица осуществляется с помощью глаголов *nennen* «называть» в пассиве и *hiezen* «зваться» (3):

(16) *dar nâch (1) man einen brûder kôs (2) // zû meistere uber Nieflant. // der site was im wol bekant, // des man in den landen pflac, // er was gewesen manchen tac // in Nieflande, daz ist wâr: // dâ von*

weste er den site gar. // brûder Andrês was er genant (3) // und was geborn von Stîrlant; // er was des lîbes gar ein helt. (3166–75) – Затем одного брата выбрали магистром Ливонии. Обычаи, принятые в той стране, были ему знакомы, он пробыл несколько лет в Ливонии, это правда: от этого он и знал обычаи. Его звали брат Андрес, и он родился в Штирии. Обликом он был настоящий герой.

Модель, характеризующая окончание правления магистра, содержит показатели длительности действия, как правило, с существительным *jâr* «год» и количественным числительным (1). В случае смерти магистра также часто сообщается о горе подчиненных с помощью лексем *clâgen* «жаловаться, оплакивать» и *unvrô sîn* «грустить, печалиться» (2). Сказуемые подобных предложений регулярно обладают семантикой «руководства»: это такие глаголы, как *râten* «руководить», *meister/houbet sîn* «быть магистром/главой» и сочетания глаголов с объектом (*daz lant*) *verstân* «управлять (страной)», (*daz ingesigel*) *trâgen* «носить печать» (3):

(17) *Alsus nam meister Volkewîn // daz ende und ouch die brûdere sîn. // er was meister* (3), *hôrte ich sagen, // nûnzên jâr bie sînen tagen* (1). // *ir hât da alle wol verstân, // waz got genâden hât begân // bie sîner zît, des weiz man vil, // dâ von ich nicht mê sprechen wil // von deme grôzen valle. // die Cristen wurden alle // dâ zû Nieflande unvrô* (2). (1959–69) – Так погиб магистр Фольквин и его братья. Он пробыл магистром, как я слышал, 19 лет из своей жизни. Вы все, вероятно, поняли, какую милость Господь явил в его время, об этом много известно, я не хочу больше говорить об этом великом падении. Все христиане в Ливонии опечалились.

В подобных структурных единицах не столько указывается, в каком году произошло то или иное событие, но сколько оно продлилось, сколько времени прошло с предыдущего аналогичного действия, либо каково было это время. Характеристика личности и деятельности магистров также придает подобным сегментам некое качество. Так, в примере (16) брат Андрес описывается как «обликом настоящий герой» (*des lîbes gar ein helt*), знакомый с обычаями Ливонии (*dâ von weste er den site gar*), а в примере (17) о времени правления магистра Фольквина сообщается, что Господь явил свою милость при его правлении (*waz got genâden hât begân bie sîner zît*), т. е. в обоих случаях указанные периоды характеризуются исключительно положительно.

Для Средних веков также специфичен такой тип датировки, как **соотнесение с событиями литургического цикла** (Пасха, пост, день св. Маргариты). Они обладают меньшей точностью, чем даты, однако вполне успешно выполняли свою функцию, поскольку всем было известно, что именно стоит за этими обозначениями. Так, например, день св. Маргариты в следующем примере идентифицируется как 13 июля 1280 г. [21, p. 108]:

(18) *ez was alsô gevallen, // daz sie quâmen sunder clage // an sente Margarêthen tage // vrôlich in Duneschâr // mit zwein kocken, daz ist wâr.* (8874–78) – Произошло так, что они без проблем в день св. Маргариты радостно прибыли в Дунешар на двух коггах, это правда.

Однако другие существительные этой семантической группы, такие как *ôstern* «Пасха», *vaste* «пост», *nône* «нона», а также лексема *ôwest* «август» не имеют при себе каких-либо определений:

(19) *In deme ôwste diz geschah. // des nêhesten herbestes dar nâch // dô wart ein her kein Prûzen lant // von Lettowen gesant.* (9667–70) – Это произошло в августе. Потом, в следующую осень, из Литвы было отправлено войско в Пруссию.

Темпоральным существительным за счет определяющих их лексем придается некое качество, которое и несет основную смысловую нагрузку, в отличие от самого темпорального существительного. В подобных случаях данные лексем можно считать отчасти десемантизированными: сема «естественный отрезок времени» у них не актуализируется или актуализируется

в меньшей степени. В особенности это заметно в случае с такими определениями, как *böse* «тяжелый», *vil lieber* «очень хороший», *grôzen hungers* «(дни) великого голода», *bescheiden* «решенный», *gotes hulfe* «(время) Божьей помощи», *genaden* «милости», *Adâmes* «(со времен) Адама». Определения могут быть выражены не только с помощью имен существительных и прилагательных, но также и местоимений, наречий и числительных.

Из того факта, что темпоральные существительные в значительной доле своих реализаций функционируют не сами по себе, но как обладающие определенным качеством, можно сделать вывод, что важно не точное время, и не точная локализация действия во времени, но каково это время, каково качество времени. Кроме того, большинство обстоятельств времени в СРХ не дают точного указания на время действия (даты в тексте СРХ крайне редки), а показатели длительности действия носят довольно неопределенный характер (так, одним из самых частотных является неопределенное местоимение *manche* в аккумулятиве в единственном или во множественном числе: *manchen tac/manche tage* «несколько/много дней»). Для рыцарского эпоса и романа также было характерно отсутствие точных темпоральных показателей и показателей с неподвижной точкой отсчета, а также предпочтительное соотношение действия с контекстуальной точкой отсчета. Разного рода качественные определения несут при этом основную смысловую нагрузку.

Заключение. Для временной организации текста СРХ релевантно не только взаимодействие лексических и грамматических темпоральных средств, но и в значительной мере взаимодействие лексических показателей времени с разного рода определениями – уточнителями темпоральных существительных, которые сообщают последним некое качество. Это вполне согласуется с тем, что для средневекового менталитета не может быть «времени вообще», и время всегда качественно: «время – не пустая длительность, но наполненность некоторым конкретным содержанием, всякий раз специфическим, определенным» [18, с. 87]. Таким образом, с точки зрения прагматики текста, СРХ – типичный средневековый текст, автор которого проецирует свое отношение ко времени как к некоей наполненности событиями определенного качества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адмони В. Г. Наречие и его соотношение с однокорневым прилагательным // Историко-типологическая морфология германских языков: Именные формы глагола. Категория наречия. Монофлексия / под ред. М. М. Гухман. М.: Наука, 1978. С. 66–91.
2. Котоянц С. В. Обстоятельства места и времени в локально-временной детерминированности художественного текста (жанр рассказа): автореф. дис. ... канд. филол. наук М., 1983.
3. Wiktorowicz J. Die Temporaladverbien in der mittelhochdeutschen Zeit. Warszawa: Biesaga, 1999.
4. Krause M. Binnenstruktur temporaler Nominalgruppen im Akkusativ und Genitiv // Zur Geschichte der Nominalgruppe im älteren Deutsch: Fs. für Paul Valentin; Akten des Pariser Kolloquiums März 1999 / Hrsg. von Y. Desportes. Heidelberg: Winter Verlag, 2000. S. 71–97.
5. Маслов Ю. С. К основаниям сопоставительной аспектологии // Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание / ред. А. В. Бондарко и др. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 305–364.
6. Баева Г. А. Историческая прагмалингвистика как особое направление в изучении языков // Очерки по исторической прагматике германских языков / отв. ред. Г. А. Баева. СПб.: Изд-во СПб. ун-та. 2012. С. 7–19.
7. Гулыга Е. В., Шендельс Е. И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М.: Просвещение, 1969.
8. Матузова В. И., Назарова Е. Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г. М.: Индрик, 2002.

9. Арбузов Л. А. Очерк истории Лифляндии, Эстляндии и Курляндии. М.: Троица, 2009.
10. Пашуто В. Т. Образование Литовского государства. М.: Изд-во АН СССР, 1959.
11. Helm K., Ziesemer W. Die Literatur des Deutschen Ritterordens (Gießener Beiträge zur deutschen Philologie 94). Gießen, 1951.
12. Neecke M. Das 13. Jahrhundert // Feistner E., Neecke M., Vollmann-Profe G. Krieg im Visier. Biblepik und Chronistik im Deutschen Orden als Modell korporativer Identitätsbildung. Tübingen: Max Niemeyer, 2007.
13. Linder R. Zur Älteren Livländischen Reimchronik. Leipzig, 1891.
14. Бегунов Ю. К., Клейненберг И. Э., Шаскольский И. П. Письменные источники о Ледовом побоище // Ледовое побоище 1242 г. Труды комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища. М.; Л.: Наука, 1966. С. 169–240.
15. Die Livländische Reimchronik mit Anmerkungen, Namenverzeichnis und Glossar / Hrsg. von L. Meyer. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 1973.
16. Burger H. Zeit und Ewigkeit. Studien zum Wortschatz der geistlichen Texte des Alt- und Frühmittelhochdeutschen. Berlin, NY: De Gruyter, 1972.
17. Lexer M. Mittelhochdeutsches Handwörterbuch. Mit einer Einl. von Kurt Gärtner // Mittelhochdeutsche Wörterbücher im Verbund, 1992. 3 Bde. URL: <http://www.woerterbuchnetz.de/Lexer?lemma=mitte> (дата обращения: 03.05.2019).
18. Гуревич А. Категории средневековой культуры // Избранные труды. Средневековый мир. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2007.
19. Москальская О. И. История немецкого языка. М.: Академия, 2003.
20. Ивин А. А. Логические теории времени // Вopr. философии. 1969. № 3. С. 117–126.
21. Smith J. C., Urban W. L. The Livonian Rhymed Chronicle / ed. by J. R. Krueger. Bloomington: Indiana Univ. Publications, 1977. (Uralic and Altaic ser.; vol. 128).
22. Tarvel E. Livländische Chroniken des 13. Jahrhunderts als Quelle für die Geschichte des Schwertbrüderordens und Livlands // Werkstatt des Historikers der mittelalterlichen Ritterorden. Quellenkundliche Probleme und Forschungsmethoden / Hrsg. von Z. H. Nowak. Toruń, 1987. S. 175–184.
23. Назарова Е. Л. Дата основания Риги в контексте истории крестовых походов // Балто-славянские исследования. XV. М., 2002. С. 29–41.

Информация об авторе.

Тихонова Елена Сергеевна – кандидат филологических наук (2009), доцент кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5, Санкт-Петербург, 197376, Россия. Автор свыше 30 научных публикаций. Сфера научных интересов: история немецкого языка, историческая прагматика, исторический синтаксис, немецкая диалектология. E-mail: middjungards@gmail.com

REFERENCES

1. Admoni, V.G. (1978), Adverb and its Relation to the Single-rooted Adjective [Narechie i ego sootnoshenie s odnokornevym prilagatel'nym], *Istoriko-tipologicheskaya morfologiya germanskikh yazykov: Imennye formy glagola. Kategoriya narechiya. Monofleksiya* [Historical-typological Morphology of Germanic Languages: None-Finite Verb Forms. Category of Adverb. Monoflexion], Moscow, USSR, pp. 66–91.
2. Kotoyants, S.V. (1983), "Time and Space Adverbials in Spatial-Temporal Determinacy of a Literary Text (Novel Genre)" [Obstoyatel'stva mesta i vremeni v lokal'no-vremennoi determinirovannosti khudozhestvennogo teksta (zhanr rasskaza)], Can. of Philol. Sci. Thesis, Moscow, USSR.
3. Wiktorowicz, J. (1999), *Die Temporaladverbien in der mittelhochdeutschen Zeit*, Warszawa, Pol.
4. Krause, M. (2000), "Binnenstruktur temporaler Nominalgruppen im Akkusativ und Genitiv", *Zur Geschichte der Nominalgruppe im älteren Deutsch: Fs. für Paul Valentin; Akten des Pariser Kolloquiums März 1999* / Hrsg. von Y. Desportes, Heidelberg, DEU, S. 71–97.

5. Maslov, Yu.S. (2004), "On the Basis of Comparative Aspectology", *Izbrannye trudy: Aspektologiya. Obshchee yazykoznanie* [Selecta: Aspectology. General Linguistics], in Bondarko, A.V. (ed.), *Yazyki slavyanskoj kul'tury*, Moscow, Russia, pp. 305–364.
6. Baeva, G.A. (2012), "Historical Pragmalinguistics as a Special Direction in Language Studying", *Ocherki po istoricheskoj pragmatike germanskikh yazykov* [Essays on Historical Pragmatics of Germanic Languages], St. Petersburg State Univ., SPb., Russia, pp. 7–19.
7. Gulyga, E.V. and Shendel's, E.I. (1969), *Grammatiko-leksicheskie polya v sovremennom nemetskom yazyke* [Grammatical-Lexical Fields in Modern German Language], Prosveshchenie, Moscow, USSR.
8. Matuzova, V.I. and Nazarova, E.L. (2002), *Krestonostsy i Rus'. Konets XII v. – 1270 g.* [Crusaders and Rus'. From the Late XIIth Century to 1270], Indrik, Moscow, Russia.
9. Arbuzov, L.A. (2009), *Ocherk istorii Lifyandii, Estlyandii i Kurlyandii* [An Essay on Livland's, Estland's and Kurland's History], Moscow, Russia.
10. Pashuto, V.T. (1959), *Obrazovanie Litovskogo gosudarstva* [Genesis of the Lithuanian State], Moscow, USSR.
11. Helm K., Ziesemer, W., (1951), "Die Literatur des Deutschen Ritterordens", *Gießener Beiträge zur deutschen Philologie*, 94, Gießen, DEU.
12. Neecke, M. (2007), "Das 13. Jahrhundert", in Feistner, E., Neecke, M. and Vollmann-Profe, G. (ed.); *Krieg im Visier. Bibelepik und Chronistik im Deutschen Orden als Modell korporativer Identitätsbildung*, Max Niemeyer, Tübingen, DEU.
13. Linder, R. (1891), *Zur Älteren Livländischen Reimchronik*, Leipzig, DEU.
14. Begunov, Yu.K., Kleinenberg, I.E. and Shaskol'skii, I.P. (1966), "Written Sources about the Battle on the Ice", *Ledovoe poboishche 1242 g. Trudy kompleksnoi ekspeditsii po utochneniyu mesta Ledovogo poboishcha* [Battle on the Ice 1242. Works of the Complex Expedition on Specifying the Place of the Battle on the Ice], Nauka, Moscow – Leningrad, USSR, pp. 169–240.
15. Meyer, L. (1973), *Die Livländische Reimchronik mit Anmerkungen, Namenverzeichnis und Glossar*, Ferdinand Schöningh, Paderborn, DEU.
16. Burger, H. (1972), *Zeit und Ewigkeit. Studien zum Wortschatz der geistlichen Texte des Alt- und Frühmittelhochdeutschen*, De Gruyter, Berlin, New York, DEU, USA.
17. Lexer, M. (1992), "Mittelhochdeutsches Handwörterbuch. Mit einer Einl. von Kurt Gärtner", *Mittelhochdeutsche Wörterbücher im Verbund*, available at <http://www.woerterbuchnetz.de/Lexer?lemma=mitte> (accessed 03.05.2019).
18. Gurevich, A. (2007), "Categories of Medieval Culture", *Izbrannye trudy. Srednevekovyi mir* [Selecta. Medieval World], St. Petersburg State Univ., SPb., Russia.
19. Moskal'skaya, O.I. (2003), *Istoriya nemetskogo yazyka* [History of German Language], Akademiya, Moscow, Russia.
20. Ivin, A.A. (1969), "Logical Theories of Time", *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], no. 3, pp. 117–126.
21. Smith, J.C. and Urban, W.L. (1977), *The Livonian Rhymed Chronicle*, Uralic and Altaic ser., vol. 128, Indiana Univ. Publications, Bloomington, USA.
22. Tarvel, E. (1987), "Livländische Chroniken des 13. Jahrhunderts als Quelle für die Geschichte des Schwertbrüderordens und Livlands", [Werkstatt des Historikers der mittelalterlichen Ritterorden. Quellenkundliche Probleme und Forschungsmethoden], in Nowak, Z.H. (ed.), Toruń, POL, S. 175–184.
23. Nazarova, E.L. (2002), "Riga's Foundation Date in the Context of Crusades' History", *Balto-slavyanskije issledovaniya* [Balto-Slavic Studies], no. XV, pp. 29–41.

Information about the author.

Elena S. Tikhonova – Can. Sci. (Philology) (2009), Associate Professor at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5 Professor Popov str., St Petersburg 197376, Russia. The author of over 30 scientific publications. Area of expertise: history of German language, historical pragmatics, historical syntaxis, German dialectology. E-mail: middjungards@gmail.com